

Культурные ландшафты

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИОННЫЕ СВЯЗИ В ПОМОРСКОМ КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ

Татьяна Михайловна Красовская,
доктор географических наук,
профессор географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: krasovsktex@yandex.ru

Рассматриваются процессы в традиционном поморском культурном ландшафте, формирующие корреляционные связи между его материальными и духовными компонентами и обеспечивающие ему экологическую устойчивость.

Ключевые слова: корреляционные связи; культурный ландшафт; экология; Поморье

УДК 911.53:303.732(470.1/.22)

Постнеклассическая география

Современное состояние географии, характеризуемое возросшим интересом к междисциплинарным и проблемно ориентированным исследованиям, свидетельствует о переходе науки в *постнеклассическую* фазу, которую можно обозначить как *бифуркационную*: меняются фокальные объекты исследований. В преддверии этого периода известный советский философ Б.М.Кедров подметил существование процесса наведения «мостов» между ранее разобщёнными науками, одновременно с процессом их дифференциации [Кедров 1995]. В постнеклассическом периоде развития науки такие «мосты» возникают *между географией и гуманитарными науками*. В конце XX в. на этой волне активно развивается *этнокультурное ландшафтоведение*, формируется теория культурного ландшафта в новом, отличном от предшествовавшего периода понимании.

Наиболее заметную роль в развитии постнеклассической географической науки играют процессы *гуманизации и гуманитаризации*. Они связаны не только с включённостью человека в целое универсума, но и с внедрением гуманитарно-научных методов исследования в территориальный анализ культурных ландшафтов. В.И. Вернадский, создавая учение о биосфере, писал о новой форме биогеохимической энергии, которую назвал энергией человеческой культуры. Эта энергия участвует в формировании культурных ландшафтов, понимаемых как природно-культурные территориальные комплексы, освоенные человеческим сообществом [Калуцков 2008]. Признание существования культурных ландшафтов в таком понимании в отечественной науке пока происходит в условиях инертности мышления, соотносящего прогресс исключительно с научно-техническими достижениями (что соответствовало бы неклассическому периоду развития науки, предшествовавшего современному). Изучение культурных ландшафтов постнеклассической географией выполняет определенный социальный заказ: выявление «формул устойчивого развития» различных территорий, сохранение природного и культурного наследия, формирование и развитие исторической памяти, продуцирующей социальную стабилизацию [Красовская 2009].

Во второй половине XX в. произошел фундаментальный сдвиг в метатеории научного познания – сформировалась парадигма *функционализма* [Информационные... 2010]. В исследованиях самоорганизующихся корреляционных систем, к которым принадлежит и куль-

турный ландшафт, первостепенную роль приобретает информация. Суть парадигмы функционализма состоит в том, что описание и объяснение функциональных отношений в системе логически независимо от физического описания и объяснения. В силу этого в самоорганизующейся системе причинный эффект определяется не самими по себе конкретными физическими свойствами носителя, а именно *информацией*, представляющей собой сложную кодовую зависимость, которая носит функциональный характер [Информационные... 2010].

В подобных информационных кодах заключается формула устойчивого развития культурных ландшафтов. Новая исследовательская парадигма позволяет рассматривать духовные (нематериальные) компоненты культурного ландшафта вне дискурса взаимоотношений «базиса» и «надстройки». Она объясняет объективность существования культурного ландшафта в упомянутом выше значении, подчёркивая его обособленность от утвердившегося в географии представлении о культурном ландшафте в лучшем случае как «венце» творчества человеческого труда, а то и вовсе – синониме антропогенного ландшафта.

Культурный ландшафт как корреляционная система

Объектом нашего исследования стал *культурный ландшафт Поморья* – обширной территории Севера России, прилегающей к берегам Белого моря, Онежского озера, Северной Двины, Мезени и Печоры. В таком виде Поморье как единое территориальное образование сформировались в XV-XVII вв. [Гемп 2004]. До сих пор не существует единства взглядов на современные границы Поморья, которое всё чаще соотносится лишь с территорией Архангельской области. Коренные жители, населяющие Поморье, относятся к севернорусскому субэтносу, отличающемуся своеобразными чертами истории, экономики, культуры, языковыми диалектами и т.п. Несмотря на долгие годы практически полного игнорирования существования поморского субэтнуса, историческая память поморов сумела сохранить представление о своей «малой Родине», его исторических культурных ландшафтах, фрагменты которых существуют и ныне. Примечательно, что в ходе последней переписи населения России несколько тысяч жителей Архангельской области записали себя поморами. Это объясняется тем, что разрушение закреплённых в исторической памяти поморов кодов и текстов [Колбовский 2004] традиционных культурных ландшафтов, вызывает ответную реакцию – стремление сохранить региональную идентичность в ходе преобразования Поморья при непрерывном использовании «осовременных» формул устойчивого развития территории.

Предметом нашего исследования стали *корреляционные связи*, формирующие поморские культурные ландшафты. Корреляционная связь выражает количественно и качественно определенное соотношение объектов, свойств, состояний, их соответствие друг другу при изменениях. В культурных ландшафтах возможно проявление множественных корреляционных связей, среди которых в рамках настоящей работы мы рассматриваем корреляционные связи *экологического* толка (в широком понимании термина «экология»).

Корреляционные связи носят системообразующие функции и выполняют адаптационную роль в когерентном развитии системы. Еще в начале XX в. П. Сорокин обратил внимание на то, что общество специфическим образом адаптируется к природной среде. Он выделил разные типы местностей, с которыми коррелирует определённая культура. Природа, ландшафт осваиваются и переживаются сознанием, которое подстраивается под характеристики пространства. Формируется *изоморфизм* структуры образа природы, внешнего мира и структуры человеческой психики [Яковенко 2009], который минимизирует энергию адаптации и формирует коды культурных ландшафтов.

Если рассматривать культурный ландшафт как *корреляционную социоприродную систему*, то можно выявить определенную совокупность вещественно-энергетических и информационных процессов, взаимно адаптирующих элементы культурного ландшафта и поддерживающие его целостность. Если в природном ландшафте коррелируют геологические, климатические, гидрологические и биотические системы, то в культурном ландшафте в их

число включаются и социальные системы. Заметим, что эти корреляционные зависимости могут быть охарактеризованы на количественной и качественной основе.

Представления о структуре культурных ландшафтов в отечественной науке в целом сложились в начале XXI в. [Калуцков 2008]. Вместе с тем анализ *процессов его формирования* пока предоставляет широкое поле деятельности для исследователей. Риснём назвать некоторые из этих процессов: *природопользование, информационный, лингвистический*.

Толкование *природопользования как процесса*, развивающегося в социоприродной системе, к которой принадлежит культурный ландшафт, рассмотрено нами ранее [Красовская 2008]. В.И. Корогодиным в книге «Информация и феномен жизни» проведён анализ *информации как процесса*. В этой книге названы два ключевых свойства информации. Свойство *фиксируемости* означает, что информация может существовать только в зафиксированном состоянии на материальном носителе. В культурном ландшафте таких носителей может быть несколько: коды и тексты культурных ландшафтов; материальные носители традиционных знаний (например, поморские лоции и «правильники», своды обычного права). Второе свойство информации-процесса, выделенное В.И. Корогодиным, – *действенность*, позволяющая создавать алгоритмы действия человека в культурном ландшафте. Эти алгоритмы фиксирует обычное право, фольклор, традиции и т.д. Информационный процесс формирует семиотику культурного ландшафта, регламенты его развития и коды, обеспечивая его существование как корреляционной системы.

Роль лингвистического процесса, под которым мы понимаем *формирование языка сообщества* и выполняемые им функции, рассматривались ранее В.Н. Калуцковым [Калуцков 2008], Н.И. Толстым [Толстой 1995] и др. Язык не только отражает особенности природы (например, в топонимике), но и осуществляет корреляционные связи между компонентами культурного ландшафта в соответствии с информационным процессом. Психологи считают, что родной язык с закреплённой в нем информацией формирует определенную картину мира, которая, например, будет отличаться у поморов, ненцев, саамов, осваивающих аналогичные природные ландшафты.

В рамках рассмотренных процессов формируется *экологическое состояние культурного ландшафта*, которое мы понимаем как его гармоничное развитие в соответствии с несущей ёмкостью природного ландшафта. Оно обеспечивается не только сугубо экологическими знаниями, но и краеведческой информацией.

Рассмотрим корреляционные связи экологического толка в поморском культурном ландшафте, детализируя их в соответствии с формирующими их процессами (см. *рис. 1*). Вычленение процессов в известной степени условно – в культурном ландшафте они часто тесно переплетаются и трудно разделяемы. В основе экологии культурного ландшафта лежит идея *адаптации*, т.е. определённой корреляции между его отдельными компонентами и *природной средой*, которая выступает в качестве управленческого аттрактора. К реалиям природного компонента культурного ландшафта адаптируются все прочие, поэтому корреляционные связи такой адаптации мы называем *экологическими*.

Рассмотрим их на примере Поморья для каждого из трёх названных процессов формирования культурного ландшафта.

Экологические корреляционные связи процесса природопользования

Основу традиционного поморского природопользования составляет морской промысел. Поморское «поле» – Белое и Баренцево моря. Морской промысел органично сочетается с речным. Ему сопутствуют лесозаготовки для строительства судов, получения древесного угля для выварки соли и т.д. Развито и подсобное хозяйство – молочное животноводство, огородничество и очень ограничено – выращивание ржи и овса. Всё это дополняется охотой, заготовкой ягод и грибов. Управленческий аттрактор (природный ландшафт) – объект развития корреляционных связей экологического толка, в то время как субъектами корреляции выступает хозяйственная и селенческая структура поморов.

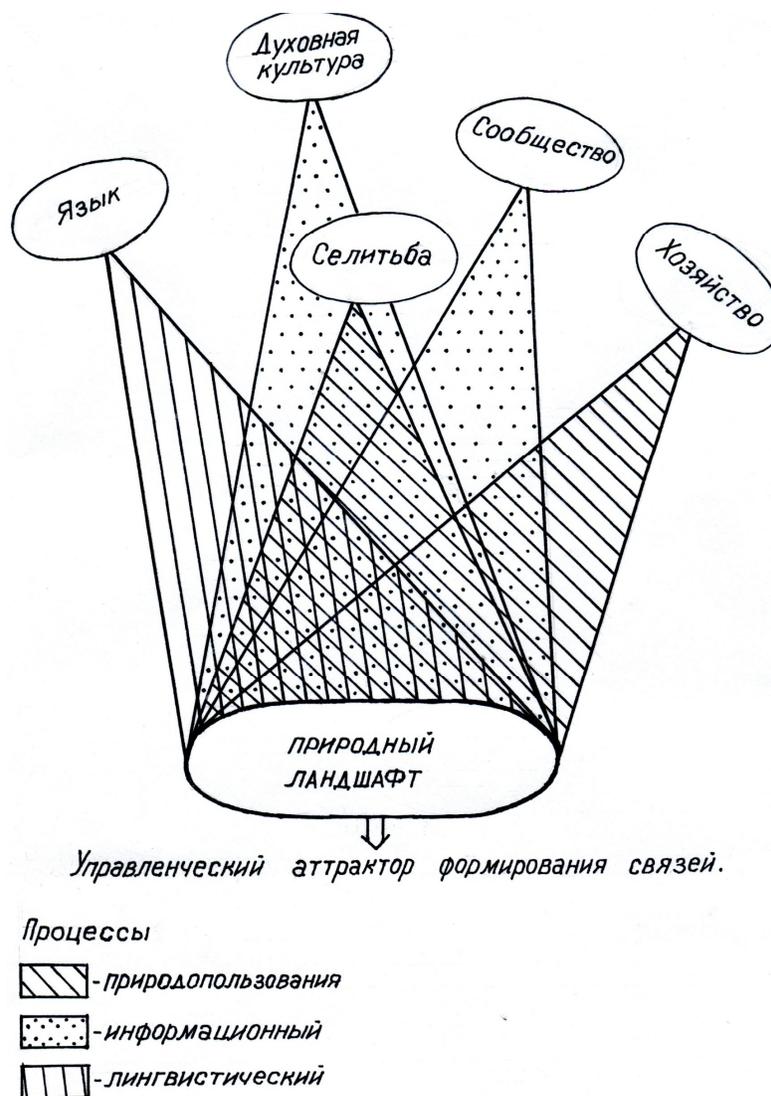

Рис. 1. Экологические корреляционные связи в культурном ландшафте

Поморский субэтнос сложился из выходцев более южных районов России, природопользование которых основывалось на земледелии. Природные условия их новой родины – длинная, суровая зима; короткое, прохладное лето; бедность почв в большинстве районов предопределили развитие иных форм природопользования, главной из которых стал морской (речной) промысел. Вместе с тем в Каргопольском и Устьянском районах климатические и почвенные условия (благодаря более южному положению и выходу карбонатных пород) благоприятствовали развитию земледелия в сочетании с молочным животноводством. Развитие морского промысла требовало строительства судов, что стимулировало лесозаготовки в «корабельных рощах» вдоль рек, по которым шло освоение края. Примеры можно было бы продолжить, однако все они свидетельствуют о формировании корреляционных связей между характером хозяйственной структуры культурного ландшафта с его природной основой, свидетельствующих об экологической адаптации поморского хозяйства.

Экологические корреляционные связи складывались и при формировании селенческой структуры. Поморские села тяготели либо к морскому берегу, либо к берегам судоходных рек. Пойменный тип поселений, унаследованный от угорских насельников, встречался значительно реже [Калуцков 2008]. По замечанию И.Г. Яковенко абсолютно идеальным с

психологической точки зрения, является нахождение поселений на границе, в данном случае – на берегу моря или реки. В то же время соседство с непроходимой тайгой и языческим миром аборигенов приводило к тому, что выжить можно было только «окукливаясь» в малом замкнутом пространстве [Яковенко 2009]. Таким селитебным пространством стала поморская деревня, а в целом – и все Поморье. При этом примечателен феномен странствующего селения, отмеченный В.Н. Калущковым – это перемещение селения с берега реки на суходол, объясняемое экологическими причинами (изменением русла реки) [Калущков 2008].

В поморских селениях осуществлялось своеобразное «ландшафтное планирование». Для домов была характерна солярная ориентация (часов солнечного сияния было мало). Легко размываемые дороги мостились деревом. Встречалась не только линейная (вдоль рек), но и круговая планировка селений – вокруг озера. По расположению селений в рельефе был широко представлен нагорный тип – на террасах рек или озер. Таким образом, через особенности процесса природопользования в культурном ландшафте Поморья устанавливались гармоничные экологические корреляционные связи. Не о них ли писал великий помор М.В. Ломоносов: «Но посмотрим на чудную громаду сего света: не везде ли мы видим взаимный союз вещей, в пользу друг другу бытие свое имеющих?» [Ломоносов 1952: 320].

Экологические корреляционные связи, формирующиеся в процессе традиционного природопользования, помогают количественно определить составляющие *сбалансированного развития* культурного ландшафта Поморья. Среди них соотношение между хозяйственно освоенной территорией и экологическим каркасом; необходимые площади промысловых участков (морских и речных) на поморскую общину; регламент длительности и сроков начала морской и речной «пахоты» и т.д.

Экологические корреляционные связи в информационном процессе

Мы уже упоминали материальные носители информационного процесса в традиционном культурном ландшафте – поморские лоции и правильники. Они содержали определенный свод экологических знаний, обеспечивавших безопасную навигацию и обыденное экологическое право. Поморские лоции («Книги мореходные») описывали путь к Груманту (Шпицбергену), вдоль Мурманского берега Баренцева моря, к Маточке (Новой земле), по Белому морю, заливы которого изобилуют мелями и коргами. В них содержались сведения об опасных местах, укрытиях от штормов, удобных причалах и зимовьях, указывались расстояния между отдельными пунктами.

Особое место в лоциях уделялось «рыбным банкам» – местам традиционного лова. Поморские мореходы наизусть помнили румб и расстояние между промысловыми местами, отражали их в лоциях. Поморские лоции представляют собой небольшие рукописные тетради объемом в 20-60 страниц в кожаном переплете. Рукописные лоции до сих пор хранятся в некоторых поморских семьях. Информация, содержащаяся в лоциях, формировала линейные размеры поморских культурных ландшафтов, осуществляла передачу промысловых знаний и навыков между поколениями, «удерживая» экологические корреляционные связи между обществом, природой и хозяйством Поморья.

Материальными носителями информационного процесса в поморском культурном ландшафте служили и некоторые географические явления и объекты. К таким объектам и явлениям, например, относятся: воронка Белого моря, опасная для мореплавания; северное сияние («Матка [компас.– Т.К.] дурит на позорях»), гурии и кресты на местах стоянок.

Алгоритм действия человека в культурном ландшафте формировало обычное право, содержавшееся как в правильниках, так и в устной традиции. Среди этических правил, сводов правил хозяйственной жизни непременно присутствовали и экологические. Так, четкую календарную (погодную) привязку имели «походы семги» – наиболее ценного объекта промысла: начинай «на Маковой» (14 июля), «на Митреевский» (9 ноября). Потом море было «закрыто» для промысла семги. Промысел морского зверя (тюленя) начинался «на Евдокию»

(середина марта). Летом на охоту не ходили – лето короткое, едва хватало времени вырастить детенышей диким зверям. Во время нереста семги в низовьях рек лов запрещали; уключины вёсел обматывали тряпкой, чтоб не тревожить рыб. По той же причине отменяли даже звон колоколов. Традиция воспитывала бережное отношение к чистой речной и морской воде: мусор в воду никогда не бросали. В рыбацкую тоню входили с молитвой. Ночью на реку не ходили – «вода отдыхает!» Многие родники имели сакральный статус. Чистота водоёмов и «сохранение покоя рыб» имело принципиальное значение для поддержания промысла семги и жемчужницы.

Таким образом, экологические установки действенного информационного процесса способствовали *рациональному использованию* природных ресурсов. Эмпирические количественные данные поморских лоций, временные промысловые регламенты, поддерживаемый высокий стандарт качества вод – вот параметры формулы устойчивого развития поморского культурного ландшафта.

Экологические корреляционные связи лингвистического процесса

Язык Поморья характеризуется большим своеобразием, причём не только в фонетическом отношении. Его отличает многозначность слов и лаконичное построение фраз («Ну поморы! Язык-то их нужно учить не хуже французского!» [Гемп 2004: 277]). Экологические корреляционные связи в лингвистическом процессе формируются на различных носителях: в письменных текстах, фольклоре, топонимике; в собственно языковых конструкциях, характеризующих те или иные природные явления и процессы. Поморский текст, будь то скупые строки лоции, поэтические рассказы Бориса Шергина, сказы Марфы Крюковой или «гимн Поморью» К.П. Гемп – это воплощением смыслов и ценностей поморской культуры, неразрывно связанной с Белым морем и его берегами. «Разлюбезное море наше! На простор океанский выведет, на широкий дальний путь. На восток и на запад и в ночь путь-дорога открыта. А там, смотришь, и до летних тёплых морей доведет. И обратный путь не закажет. Испытаны все эти пути» [Гемп 2004]. Какие же слова находят поморы для характеристики тех или иных явлений природы?

Лаконичные тексты поморских лоций в отсутствии карт создавали точный образ пространства, которое предстояло преодолеть: «...а вода по салме ходит быстро»; «...меж островов воды мырит (идет быстро. – Т.К.)» и т.п. В деревне Зимняя Золотица записаны поморские названия ветров: Север, Побережник, Запад, Шелонник, Полуношник, Обедник [Гемп 2004]. При этом каждый ветер наделялся определенными языковыми характеристиками. Так, Запад – хороший ветер для поморов, ночью он стихает; Шелонник – плохой ветер, он неделями «гуляет»; Полуношник долго не стихает, «злющий ветерок»; Обедник – короткий ветер, «к вечеру спать идет». Царство холода и льда в Арктики поморы определили как «злойка». У поморов было 15 направлений компаса, например, летнее (южное), голомянное (в открытое море).

Не менее выразительные и поморские пословицы. Например, «чайка бродит по песку – моряку сулит тоску» (к плохой погоде), «закипела в море пена – будет ветру перемена», «ветры с берега волны не несут». В том же ряду и природные характеристики из поморских сказов, описывающих важнейшие события истории. Так, например, характеризует поморскую суровую зиму, знаменитая сказительница Марфа Крюкова так описывает путь М.В. Ломоносова из Холмогор в Москву:

Тогда дорожки были не протоптаны,
Прямоезжие были не проторены,
Пала погодушка им страшная,
Нанесло-то снегу много белого...

О природных особенностях Белого моря свидетельствуют поморские речения: «Белое море сердитое по осени, но отходчиво»; «Наше Белое морюшко островито, присолону в ём много!» [Гемп 2004]. Другие природные черты закрепились в поморской топонимике: лесистые острова носят названия Лиственничный, Ольховый, Осинки и т.д. На Зимнем берегу Двинского залива расположена деревня Зимняя Золотица, а на летнем Онежского – Летняя Золотица. Обе окружены мощными «золотыми» песками. Воронухой назвали поморы отмель, где сходятся морские течения, образуя воронку.

Таким образом, через лингвистический процесс в культурном ландшафте устанавливаются экологические корреляционные связи между природным ландшафтом и духовной культурой, языком. Хотя эти корреляционные связи характеризуются качественно, они тоже входят в формулу устойчивого развития поморского культурного ландшафта.

На пути к устойчивому развитию

Экологические корреляционные связи на протяжении сотен лет обеспечивали относительно сбалансированное развитие территории. Конечно, это развитие поддерживалось и другими (не экологическими) корреляционными связями, например, между поморским характером и природным ландшафтом. Наряду с определёнными социальными условиями (отсутствие крепостного права, удалённость от центра и др.), суровая природа послужила одним из факторов формирования пассионарности поморов. Поморье – родина М.В. Ломоносова, скульптора Ф. Шубина, основателя столицы Русской Америки А.А. Баранова, полярного капитана А.С. Кучина и многих других. Поморы открыли проход к северным морям, способствовали расширению российских земель. «Собери умы свои и направи в путь. Горе, когда для домашних печалей ум мореходцу вспять зрит», – гласит Усть-Янский правильник, вдохновляющий на морские путешествия. Приведённые примеры подчёркивают уже упомянутое выше тесное переплетение разнообразных процессов формирования культурного ландшафта. Изучение этих процессов вскрывает внутренние механизмы, обеспечивающие устойчивое развитие традиционного поморского культурного ландшафта.

Сегодня, с развитием новых типов природопользования (например, промышленного, транспортного) традиционные культурные ландшафты Поморья фрагментируются. В этих условиях ослабевают экологические корреляционные связи. Современные культурные ландшафты Поморья превращаются в палимпсест.

В таких условиях чрезвычайно важно сохранять фрагменты традиционных культурных ландшафтов с устойчивыми экологическими корреляционными связями. Это позволит адаптировать традиционные экологические знания к современным процессам природопользования, а также поможет сформировать региональную идентичность в новых условиях (при высокой доле мигрантов).

Сохранение и обеспечение сбалансированного развития поморских культурных ландшафтов за счёт глубокого изучения формирующих их процессов – это пример реального применения исследовательского потенциала постнеклассической географии, который используется пока очень мало.

Литература

Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М.: Наука; Архангельск: Поморский университет, 2004.

Информационный подход в междисциплинарной перспективе (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2010. №2. С. 84-112.

Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008.

Кедров Б.М. Классификация наук. М.: Мысль, 1995.

- Колбовский Е.Ю. Культурный ландшафт и национальный пейзаж: две стороны одной реальности // Историческая география: теория и практика. СПб.: РГГМУ, 2004. С. 22-30.
- Корогодин В.И. Информация и феномен жизни. Пущино: б.и., 1993.
- Красовская Т.М. Природопользование Севера России. М.: ЛКИ, 2008.
- Красовская Т.М. Культурные ландшафты и устойчивое развитие // Культурные ландшафты России и устойчивое развитие: Четвёртый выпуск научных трудов семинара «Культурный ландшафт» / Под ред. Т.М. Красовской. М.: Географический факультет МГУ, 2009. С. 29-38.
- Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.-Л.: Наука, 1952.
- Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.
- Яковенко И.Г. Русское пространство // Россия: воображение пространства / пространство воображения / Отв. ред. И.И. Митин; Сост. Д.Н. Замятин, И.И. Митин. М.: Аграф, 2009. С.24-37.